

5. Способны ли американские НПО расшатать обстановку в Казахстане? [Электронный ресурс] // Информационный портал «Эхо Казахстана». – Режим доступа: <https://ehonews.kz/sposobny-li-amerikanskije-npo-rasshatat-obstanovku-v-kazahstane/>. – Дата доступа: 15.04.2022.

6. Черевык, К.А. Неправительственные организации Казахстана: некоторые правовые основы функционирования / К.А. Черевык // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 5(95). – Ч. 2. – С. 167–170.

«МЯГКАЯ СИЛА» И ИНТЕГРАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

М.А. Дубровин (Владимир)

Необходимость выстраивания многоуровневых межличностных связей, их укрепление, расширение и пронизывание друг другом обусловили формирование истоков интеграционных процессов. Поэтапное становление общества, логичным итогом которого является формирование государства – это показатель смещения фокуса на потребность во внутривидовой коммуникации. В таком случае образуется теоретический пробел в виде вариативности её целевого назначения.

Сформированная мировая историография, к примеру, указывающая на результаты фундаментальной экономической политики Германии в 1933 г., которая в теории науки озаменована «жесткой силой», или политический курс «мирного возвышения» Китайской народной республики, избранный в 2003 г., основой которого выступают идеи мультилатерализма, – это совокупность практических результатов коммуникаций, играющих одну из ключевых ролей настоящего исследования. Так, логически-корректным продолжением теоретической мысли служит постановка тезиса о степени влияния характера межгосударственной коммуникации на прочность и интенсивность протекающих внутри интеграционных процессов. В связи с чем, на базе вышеуказанных примеров, допустимо условно представить коммуникацию в рамках политологической терминологии: «мягкой» и «жесткой» силы.

Филологический аспект первой категории обуславливает наличие критерия добровольности во вступлении в интеграционную связь. Об этом, в частности, указывают работы о «мягкой силе» как власти над мнениями Э. Карра [6, р. 143] и идеи С. Люка [7, р. 184] о трёхмерной власти. М.М. Харкевич [5, с. 25], в свою очередь, справедливо отмечает о сопряжении «мягкой силы» с «демократией», «свободой», «цивилизацией», а также, безусловно, работы Л.Р. Рустамовой [4, с. 151] и её концептуальная трактовка «мягкой силы» как стратегии реализации национальных интересов.

Выборочное применение обозначенных характеристик к государству в аспекте теории процесса интеграции дополняет доктринальный базис категории. Постановочно, проводимая параллель между интеграцией, как всепроникающим процессом объединения разрозненных элементов системы государства и дипломатической коммуникацией, как процесса выстраивания связей заинтересованных субъектов указывает на целевую однородность обоих явлений. Международная интеграционная связь, сформированная в формате многостороннего партнерства или наднационального

объединения, влияет на приоритет реализуемой государством интегративной функции. При этом следует отметить, что предшествующие исследования в данной области [3, с. 273] указали на невозможность её чрезмерной интенсивности, и на необходимость расставления акцентов (приоритетности) в вопросах реализации функций.

Отметим, что защита нации – это первичная функция любого государства. Теоретическая возможность синергии политологической терминологии, представленной в виде «мягкой» и «жесткой» силы, и общей теории государства, безусловно, выступает в качестве необходимого инструментария, требуемого для восполнения теоретических пробелов. Так обозначенный критерий приоритетности, к примеру, при распределении интенсивности реализации интегративной функции или функции обеспечения национальной безопасности, позволяет использовать категории «мягкой» и «жесткой» силы как практическое воплощение воли государства.

В данном ключе основной задачей, постановочно, обозначенной в виде тезиса, является разработка базисного алгоритма соотношения «мягкой силы» с интегративной функцией государства, «жесткой силы» с функцией обеспечения национальной безопасности, или наоборот иное перекрёстное сравнение. Первично в данном вопросе, по нашему мнению, будет корректно раскрыть подлинное значение ранее обозначенного критерия добровольности. В особенности о допустимости абсолютного его трактования в условиях мировой глобализации.

Ввиду глобализационных процессов государство в современных реалиях, безусловно, обладает условным правом безучастия, но в практической плоскости оно реализуемо исключительно в формате изолированности, аннуляции международных правоотношений и дипломатии. С точки зрения государственной перспективности, в первую очередь в экономическом аспекте, подобная вариативность событий означает взаимозависимость степени удовлетворенности базовых потребностей общества изолированного государства от эффективности реализуемой национальной политики. При этом негативная сторона данного вопроса заключается во взаимопроникновении национальных экономик разных государств. Фактически, в современном мире произошло условное замещение национальных производств зарубежными либо их полная, либо частичная зависимость от них. В связи с чем путь изолированности сопряжён с теоретическим парадоксом, в рамках которого, с одной стороны, государство определяет приоритетность в реализации функции обеспечения национальной безопасности, как естественная реакция на чрезмерную степень интегрированности, а с другой – данное действие образует застой национальной экономики, и необходимость в положительных показателях эффективности внутренних интегративных связей. Таким образом, в рамках настоящего исследования, наиболее значимо поставить акцент на условности критерия добровольности, ввиду его теоретической и практической несоотнесенности.

Выявленный парадокс, постановочно, допустимо разрешить путём определения баланса через систематический мониторинг международных и национальных показателей результативности от выбранной направленности государственной деятельности. Именно его отсутствие приводит

к трансформированию установочной способности процесса интеграции к усилению государства в её негативный аспект. Важно понимать, что необходимость поиска баланса является следствием выбора способа интеграционного взаимодействия. Отметим, что результаты исследований автора [1, с. 194; 2, с. 249] приводят классификацию: добровольного или принудительного процесса интеграции. Ключевым критерием разграничения определяется наличием либо отсутствием силовых методов воздействия на потенциального международного партнера при реализации интегративной функции государством. При этом под понятием силы следует понимать именно вооруженный конфликт.

Приведенная трактовка привносит ясность в поиск корректного сравнения категорий «мягкой» и «жесткой» силы с интегративной функцией государства и функцией обеспечения национальной безопасности. Концептуально, по нашему мнению, допустимо говорить не о распределении «мягкая» сила – интегративная функция и «жесткая» сила – функция обеспечения национальной безопасности, а о представлении обоих политологических терминов как способов практического интеграционного взаимодействия, т.е. реализации интегративной функции государством. Так, результатом политики Германии 1933 г. является мировая война с целью глобального господства (принудительная интеграция), а политика «мирного возвышения» Китайской народной республики – это демонстрация возможностей добровольной интеграции. В связи с чем, подводя итог настоящему исследованию, следует обратить внимание на факультативно-выявленную особенность соотношения данных категорий, а именно теоретическую возможность синергии межотраслевых явлений.

Источники и литература:

1. Дубровин, М.А. Глобализация – принудительный или добровольный процесс? / М.А. Дубровин // Актуальные проблемы международного права и внешнеэкономической деятельности : материалы X международной научно-практической конференции преподавателей и студентов / Министерство образования и науки Российской Федерации ; Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – 2019. – С. 193–196.
2. Дубровин, М.А. Европейский союз – первый международный проект добровольной интеграции / М.А. Дубровин // Актуальные проблемы современного международного права : материалы XVII Международного конгресса «Блищенковские чтения», Москва, 13 апреля 2019 года : в 4 ч. / отв. ред. А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев. – Москва : РУДН, 2019. – Ч. II. – С. 247–251.
3. Дубровин, М.А. Особенности функций государства: интегративной и национальной безопасности в условиях глобализации / М.А. Дубровин // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 2 (117). – С. 271–275.
4. Рустамова, Л.Р. Механизм действия и пределы использования концепции «мягкая сила» / Л.Р. Рустамова // Ойкумена. – 2018. – № 1. – С. 145–154.
5. Харкевич, М.М. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции / М.М. Харкевич // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 22–29.
6. Carr, E. The Twenty Years' Crisis 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations / E. Carr. – L. : Macmillan, 1946. – XII, 243 p.
7. Lukes, S. Power: A Radical View / S. Lukes. – L. : MacMillan Press, 1974. – 64 p.